Хайрутдинов А.Г.

Междисциплинарное исследование Мусы Бигиева о понятии «йаджудж-маджудж»

DOI 10.31162/2618-9569-2020-13-1-117-134

УДК 291.13

Original Paper

Оригинальная статья

Междисциплинарное исследование Мусы Бигиева о понятии «йаджудж-маджудж»

А.Г. Хайрутдинов

Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, г. Казань,
Российская Федерация

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1216-5067>, e-mail: khaidar67@mail.ru

Резюме: Статья знакомит с содержанием одной из малоизвестных прижизненно опубликованных работ выдающегося татарского религиозного мыслителя Мусы Джаруллаха Бигиева (1875-1949), которая посвящена, в частности, исследованию и раскрытию смысла коранического понятия «йаджудж-маджудж». Вводимые в научный оборот факты из биографии ученого дают представление о предыстории появления рассматриваемой работы. В основу своего междисциплинарного исследования М. Бигиев положил глубокий источниковедческий, сравнительно-лингвистический и культурно-исторический анализ с привлечением религиозных книг иудаизма, христианства и ислама. Автор проводит мысль о недопустимости привнесения в мусульманскую экзегетику доисламских представлений о понятии «йаджудж-маджудж» и ряде других понятий, которые принято считать общим наследием авраамических религий; подчеркивает крайнюю важность свободомыслия; привлекает внимание к роли тюрок в мировой истории в ее прошлом, настоящем и будущем, высказывает ряд интересных умозаключений о скрытом смысле коранического сюжета о «йаджудже-маджудже».

Ключевые слова: Муса Бигиев; йаджудж-маджудж; Гог-Магог; Тора; Ветхий Завет; Новый Завет; ислам; Коран; тафсир; экзегетика; таклид; тюрки

Для цитирования: Хайрутдинов А.Г. Междисциплинарное исследование Мусы Бигиева о понятии йаджудж-маджудж. *Minbar. Islamic Studies*. 2020;13(1):117–134 DOI: 10.31162/2618-9569-2020-13-1-117-134

Благодарности: Автор выражает благодарность первому заместителю председателя Духовного управления мусульман Российской Федерации Д.В. Мухетдинову, своему турецкому коллеге доктору Ибрагиму Марашу, научному сотруднику Института истории им. Ш. Марджани Д.З. Мардановой и проживающему в Узбекистане библиофилу-энтузиасту Н., благодаря дружескому участию которых появилась возможность подготовить настоящую публикацию непосредственно на основе первоисточника.

Контент доступен под лицензией Creative Commons

Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Interdisciplinary research on the concept of “Yajuj-Majuj” by Musa Bigiev

A.G. Khairutdinov

Institute of History after Sh. Marjani of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, the Russian Federation

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1216-5067>, e-mail: khaidar67@mail.ru

Abstract: The article introduces the content of one of the little-known lifetime published works of an outstanding Tatar religious thinker Musa Jarullah Bigiev (1875-1949), which is devoted, in particular, to the study and disclosure of the meaning of the Quranic concept of Yajuj-Majuj. The facts from the biography of the scientist introduced into the scientific circulation provide a full disclosure of particular reasons for the appearance of the work under consideration. The research by M. Bigiev is based on a deep source study, on the results of comparative linguistics and cultural-historical analysis including religious books of Judaism, Christianity and Islam. The author considers the inadmissibility of introducing the pre-Islamic ideas about the concept of Yajuj-Majuj into Islamic exegetics, and a number of other concepts that are accepted to be among the common heritage of Abrahamic religions; the paper emphasizes extreme importance of free thought; it draws attention to the role of Turks in the world history in its past, present and future; it makes a number of interesting inferences into the hidden meaning of a Quranic story about Yajuj-Majuj.

Keywords: Musa Bigiev; Yajuj-Majuj; Gog-Magog; Torah; The Old Testament; The New Testament; Islam; Quran; Tafsir; exegetics; taklid; Turks

For citation: Khairutdinov A.G. Interdisciplinary research on the concept of “Yajuj-Majuj” by Musa Bigiev. *Minbar. Islamic Studies*. 2020;13(1):117–134 (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2020-13-1-117-134

Acknowledgements: The author expresses his gratitude to the first Deputy Chairman of the Spiritual administration of Muslims of the Russian Federation, D.V. Mukhetdinov, and to his Turkish colleague, Dr. Ibrahim Marash, to a researcher at the Institute of History after Sh. Marjani D.Z. Mardanova and to a bibliophile, who lives in Uzbekistan, to an enthusiast of Tatar religious literature. Thanks to their friendly participation, it was possible to prepare this publication directly on the basis of an original source.

Введение

В 1933 г. в Берлине была опубликована небольшая работа М. Бигиева под названием «Йаджудж, согласно чудесным выражениям благородных аятов Драгоценного Корана». В биографии М. Бигиева этот год относится к периоду его жизни в эмиграции, начавшейся осенью 1930 года [1, s. 14], когда он тайно покинул территорию СССР. Хронология событий в биографии ученого в этот период жизни восстановлена лишь в общих чертах. В ней все еще встречаются пробелы и противоречивые данные. Попытка детализации биографии ученого в последние годы его жизни была предпринята мною в одной из публикаций [2], где речь шла о событиях 1938-1949 гг. В данной работе будет затронут более ранний этап его биографии, а именно 1930-1937 гг.

Книга «Йаджудж...» была закончена весной 1930 г., а осенью того же года М. Бигиев принял решение покинуть СССР. Создав видимость подготовки к бегству в Финляндию, М. Бигиев ввел в заблуждение следившие за ним спецслужбы и благополучно прибыл в Ферганскую долину. Здесь ему оказали помощь его друзья Абдуррахман Насретдин, Сабир ахун Андижани и Халим ахун Оши¹. С их помощью ему удалось пересечь территорию Киргизии и, добравшись до советско-китайской границы, успешно ее пересечь, правда, нелегально. Так политический беженец М. Бигиев оказался в Кашгаре – столице Восточного Туркестана. Он писал, что этот путь был самым трудным и долгим из всех возможных путей для бегства, однако выбора не было, поскольку к тому времени все остальные пути перед ним уже закрылись [1, s. 14].

Восточный Туркестан был аннексирован Китаем еще в конце XIX в. Поэтому неудивительно, что местные власти не могли потерпеть пребывания М. Бигиева в этом мусульманском крае и вынудили его покинуть страну. Целых четыре месяца [1, s. 14] в сопровождении конвоя через горные долины и перевалы Памира ученый добирался до китайско-афганской границы. Наконец, в апреле 1931 г. М. Бигиев прибыл в Кабул, где провел сорок дней в качестве почетного гостя короля Надир шаха [4, с. (5)]. Монарх распорядился об оформлении для гостя афганского заграничного паспорта [3, s. XII]. М. Бигиев пишет, что именно в это время он задумал еще одно путешествие

¹ По сообщению одного из политических деятелей Восточного Туркестана Исы Йусуфа Алптекина (1901-1995), после бегства М. Бигиева упомянутые три человека были задержаны по подозрению в соучастии и расстреляны [3, s. XVII].

по мусульманскому миру, с посещением Ирака и Ирана, в которых ему еще не доводилось бывать прежде [1, s. 14]. По воспоминаниям Йусуфа Уралгирая, который хорошо знал М. Бигиева, из Афганистана М. Бигиев отправился в Индию, а затем – в Египет. В ноябре 1931 г. он уже был в Финляндии, а в декабре 1931 г. принимал участие в работе Всемирного исламского конгресса в Иерусалиме [3, s. XII]. В июле 1932 г. М. Бигиев присутствовал на заседаниях Первого турецкого исторического конгресса, проходившего в Анкаре [5, б. 4]. После конгресса М. Бигиев вновь отправился в Финляндию [6, s. 201, 237], где занимался поисками средств для публикации в Берлине книги «Йаджудж...» [6, s. 95]. О том, что в 1933-1934 гг. М. Бигиев жил в Финляндии, свидетельствуют многочисленные фотографии, на которых он запечатлен вместе с представителями татарской диаспоры этой скандинавской страны [6, s. 177, 207, 273].

Вероятно, в этот период времени М. Бигиев посещал Берлин лишь наездами. Здесь в одном из крупнейших культурных центров Европы он и его товарищи, среди которых был Габдульбар Мухаммедов, занимавшийся организацией издательства, и представитель финской татарской диаспоры Гимад эфенди Джамал, который финансировал ряд издательских проектов, начали большую работу по созданию татарского издательского центра «Zopna-Koyaş», призванного обеспечивать духовные и интеллектуальные запросы татарских и в целом тюркских эмигрантских кругов. В частности, предполагалось, что в издательстве будут печататься художественная, религиозная, философская, научная и музыкальная литература, журналы, газеты, каталоги, справочная и образовательная литература на татарском языке, а также на других восточных языках – как на арабице, так и на новой турецкой графике – латинице [5, 4-я стр. обл.]¹.

В рамках этого проекта М. Бигиеву удалось издать книгу «Йаджудж...», которую профинансировал его друг Мухитдинжан ахунд Баба Курбан, проживавший в Кашгаре. Кроме этого, ученый издал в Берлине такие работы, как «Женщина в свете священных аятов Драгоценного Корана», «Мученическая смерть халифы Азиза»², «Морфология лексических единиц Драгоцен-

¹ Дальнейшая судьба этого издательства, находившегося по адресу Berlin-Charlottenburg, Wielandstr., 49, пока остается неизвестной. Возможно, что быстрое скатывание Германии в пучину национал-социализма вынудило организаторов свернуть масштабное начинание.

² В оригинале: «Хәлифә-и Газизнең шәһадәте». Данная работа является частью цикла, который

ного Корана»¹. В целом же в берлинском издательстве «Zonna-Кояш» М. Бигиев планировал издать от тридцати до сорока небольших книг [7, б. 2]. В частности, на 4-й странице обложки книги «Забытые страницы истории» за подписью М. Джаруллаха перечислены названия девятнадцати работ запланированного цикла.

В 1935 г. М. Бигиев покинул Европу, направившись в Египет. О его пребывании в этой стране свидетельствуют несколько книг, изданных в Каире в течение указанного года [8, с. 164]. Можно предположить, что это были книги, которые ему не удалось издать в Берлине. Только после завершения дел в Каире ученый отправился в Ирак и Иран, где провел чуть более года [1, s. 14], в течение которого изучал теорию и практику шиизма. 26 августа 1936 г. [4, с. 5 (10)] М. Бигиев, будучи в Тегеране, собственноручно вручил шиитскому шейху сеййиду Мухсину Амину ал-Амили список из четырех вопросов о различных аспектах шиитской религиозной практики, на которые он надеялся получить ответ.

Предположение о перемещениях М. Бигиева в 1935-1936 гг. подтверждается сообщением Й. Уралгирая, который писал, что в 1935-1937 гг. М. Бигиев посетил Египет, Ирак и Иран [3, s. XVIII].

Причины внимания Мусы Бигиева к понятию «йаджудж-маджудж»

Итак, по какой причине М. Бигиев посвятил свою книгу кораническому персонажу, называемому «йаджудж-маджудж», и почему при переводе названия книги на русский язык в настоящей статье не была использована, казалось бы, уместная в данном случае библейская параллель, называемая Гог-Магог? Ответы на эти вопросы даются в самом источнике, однако, прежде чем их озвучить, считаю необходимым сказать несколько слов о предпосылках написания ученым этой работы.

Будучи неординарным религиозным мыслителем, М. Бигиев уделял пристальное внимание таким моментам религиозной теории и практики, ко-

открывался книгой «Тарихның онытылмыш сәхифәләре» («Позабытые страницы истории»), которую М. Бигиев охарактеризовал как «выдержки из воспоминаний уважаемого Учителя Рашида эфенди Ибрагима» [7].

¹ В оригинале: «Корән кәрим маддәләренен сарфы». Поскольку М. Бигиев отметил, что эта работа написана им на арабском языке, то мы можем предположить, что она была издана позже, во время его вынужденного пребывания в Индии в годы Второй мировой войны. В таком случае, вероятно, имеется в виду книга «Сарф ал-Куран ал-карим» (104 с.), изданная в Бхопале в 1944 г.

торые, казалось бы, давно устоялись и истинность коих не вызывает сомнений. Он исследовал и разъяснял как фундаментальные явления исламской парадигмы, так и несущественные, на первый взгляд, вопросы. Например, М. Бигиев поставил в центр внимания мусульманской общественности широкий спектр проблем, касающихся теории и практики исламского поклонения и повседневного поведения, в частности, проблему ритуального поста в высоких географических широтах и искупления за его несоблюдение, вопрос об аннулировании правовых аятов (*насах*) и замене их другими, нерешенные проблемы запретного (*харам*) и дозволенного (*халяль*) в пище, проблему опьяняющих напитков (*мускират*) и многие другие¹. На другом краю спектра исследованных М. Бигиевым теологических проблем находятся, казалось бы, абстрактные вопросы, как, например, вопрос о всеохватности божьей милости², о т.н. «первородном грехе», об истинном смысле сотворения женщины из ребра Адама³ и т.д. Эти и многие другие вопросы хотя и не имели какого-либо отношения к тонкостям религиозной обрядовой практики, тем не менее на протяжении веков формировали у мусульман искаженные мировоззренческие установки. Поэтому М. Бигиев и взялся изучить, пересмотреть и донести до общественности доселе остававшиеся неизвестными смыслы.

В русле сказанного выше пронизательный взгляд ученого был привлечен также и к темам, относящимся к сфере корановедения и экзегетики. Ученый считал, что понятия йаджудж и маджудж, Харут и Марут, Обитатели пещеры, Зулькарнайн, Муса и Хизр, птицы Ибрагима, корова, упомянутая в Торе, остаются нераскрытыми [9, титул]. Его совершенно не устраивали разъяснения, предложенные армией мусульманских богословов прошлого. В результате самостоятельного богословского изучения, анализа и осмысления перечисленных вопросов (*иджтихад*)⁴ [9, б. 2] ученый задумал издать цикл

¹ Речь идет о следующих трудах ученого: Бигиев М. Озын көнләрҙә рузә. Казань: Электро-типография «Умид», 1911. 208 б.; Жаруллаһ М. Маидә. СПб: Тип. М-А. МаксUTOва, 1914. 32 б.; Жаруллаһ М. Шәриғат исламия назарында мөскират мәсьәләләре. Истанбул: Мәхмүд бәй матбағасы, 1927. 48 б.

² См.: Бигиев М. Рәхмәт илаһийә борһанлары. Оренбург: Типо-графия «Вакыт», 1911. 97 б.

³ См.: Бигиев М. Озын көнләрҙә рузә. Казань: Электро-типография «Умид», 1911. 208 б.

⁴ Иджтихад – деятельность мусульманского ученого-правоведа, имеющего необходимый уровень компетенции, по изучению и решению вопросов религиозно-правового характера. В работе М. Бигиева данное понятие имеет более широкий смысл, подразумевая новые подходы к комментированию отдельных сюжетов Корана, не имеющих очевидного правового характера.

работ, в которых намеревался поделиться собственным видением каждой из перечисленных проблем.

Первой работой задуманного цикла стала книга «Йаджудж...». По своему обыкновению М. Бигиев адресовал ее прежде всего студентам религиозных учебных заведений (шакирдам), занимающимся постижением религиозных знаний, а также богословам, ожидая от них критических отзывов. В качестве главной цели написания и распространения этой книги он обозначил привлечение внимания мусульман к глубинным смыслам Корана и более активного привлечения изложенных в нем истин к формированию их мировоззрения.

Затронутая тема, а также некоторые косвенные вопросы, без обращения к которым полноценное раскрытие главной проблемы было бы невозможным, рассмотрены автором в двенадцати параграфах. В них автор обращается к таким темам, как авторская этика и методика научного поиска, которая позволила ему по-иному взглянуть на давно известные вещи; предпосылки гипотез ученого о понятии «йаджудж-маджудж»; религиозные книги семитов, их содержание и имеющиеся в них данные о Гоге-Магоге; «йаджудж-маджудж» в Коране и исламской литературе; критика утверждений мусульманских экзегетов о «йаджудже-маджудже» и ряд других. Весьма интересными представляются рассуждения М. Бигиева о том, допустимо ли ставить знак равенства между понятием «йаджудж-маджудж» и тюрками, как это обычно делалось в средневековых мусульманских трактатах. Интересны его наблюдения и неожиданные выводы об этимологии слова Тора/Таурат, которую ученый относил к тюркским истокам.

В свете сказанного выше рассматриваемая работа М. Бигиева представляет собой уникальный образец глубокой междисциплинарной аналитической работы, выполненной на материале источников трех мировых религий. В ней переплетены несколько направлений научно-исследовательской работы: сравнительно-источниковедческое, культурно-историческое; компаративно-лингвистическое и тюркологическое. Подход ученого к исследованию является новаторским, он значительно расширяет область интересов мусульманской учености. Особенно привлекателен в этом смысле явный тюркофильский акцент этой работы, который вводит в мусульманскую интел-

лектуальную ойкумену идею о тюрках как об одном из краеугольных камней цивилизации.

Говоря о причинах обращения к понятию «йаджудж-маджудж», М. Бигиев признает, что, поскольку существующие мусульманские представления об этом понятии целиком основаны на заимствованиях из доисламских источников, то им присущи неоднозначность, противоречивость и пагубное влияние на мусульман. Он приводит свидетельства того, что мусульманская трактовка понятия «йаджудж-маджудж», а также истории о Зулькарнайне и ряд других моментов восходят к соответствующим сюжетам Библии, в частности, к повествованиям пророческих книг, к видениям Иоанна Богослова и пр. Такие заимствования, считает М. Бигиев, являются результатом склонности толкователей Корана увлекаться переносом содержания доисламских религиозных источников в материал своих комментариев (*тафсир*) и теологических трудов. В итоге он заклеил подобную практику, называя ее извращением Корана (*тахриф*), невежеством и преступлением [9, б. 4].

Особенно жестко М. Бигиев осуждает практику слепого заимствования древними мусульманскими учеными данных христианских географических карт, равно как и популяризацию ими подобных данных в мусульманской среде. В частности, М. Бигиев обращает внимание, что на упомянутых картах земли к северу от Палестины, являющиеся отчизной тюрков, обозначены как «Земли Гога-Магога». Этот вымысел перекочевал на географические карты и в труды мусульманских ученых, которые, вторя своим иудейским и христианским предшественникам, писали, что Гог-Магог являются двумя тюркскими народами. М. Бигиев усматривал в этом пример того, как выдумки древних ставились мусульманскими учеными выше соответствующих аятов Корана. Он писал: «Я дистанцируюсь от проявления небрежности по отношению к великому тюркскому племени, вызванной только лишь унижительным подражанием (*таклид*) могущественным иудейским чарам и невежеству христианского мира; от приписывания аятам Драгоценного Корана того, чего в них нет; от баловства со словами Драгоценного Корана» [9, б. 5].

Сравнивая сообщения доисламских источников с тем, что было низведено в Коране, М. Бигиев заключает, что данные Ветхого Завета и Корана о существах, называемых, соответственно, Гог-Магог и «йаджудж-маджудж»,

подразумевают совершенно разные вещи и что соответствующие аяты Корана никак не связаны с библейскими историями. Ученый подчеркивает, что истории неизвестно о существовании когда-либо в прошлом народа или государства, носящего название Гог-Магог, и что они существовали лишь в «воображении и видениях» иудеев. Ученый отмечает, что его поражала гипнотическая сила «иудейских чар», которой удалось полностью подчинить себе умы мусульманских ученых. Один из примеров такой зачарованности М. Бигиев усматривает в том, что мусульманские ученые не заметили лежащего на поверхности простейшего факта, а именно: в Коране частица «йá» не является составной частью слова «йаджудж», но является арабской частицей обращения. И далее ученый задается вопросом: по какой причине нечто, что в Ветхом и Новом Заветах названо словом «джудж», в Коране названо словом «йá джудж»? М. Бигиев пишет, что именно благодаря дифференциации этой, казалось бы, малозначимой частицы обращения «йá» для него полностью раскрылись сокровищницы смыслов, заключенных в понятиях «джудж-маджудж».

Таковы некоторые из мотивов, побудивших М. Бигиева обратиться к подробному сравнительному исследованию понятия «йаджудж-маджудж».

Исследование доисламских источников

Напомню, что рассматриваемая работа М. Бигиева является, возможно, единственным в своем роде мусульманским исследованием, в котором для решения определенной проблемы, являющейся составной частью исламского дискурса, автором были изучены и использованы священные писания предыдущих монотеистических религий, а именно: Тора, Ветхий Завет¹ и Новый Завет. Сам факт привлечения внимания мусульман к материалу доисламских писаний являлся шагом экстраординарным, поскольку в отдельно взятой практике татарской, а также османской мусульманской учености и книжной традиции (коль уж М. Бигиев написал эту работу на татаро-османском языке) не было принято обращаться к такого рода источникам, хотя мусульманский книжный мир был переполнен трактатами полумифического содержания, в частности, о доисламских пророках, начиная с фигуры Адама, в основе кото-

¹ В своей работе М. Бигиев не ставит знак равенства между Торой и Ветхим Заветом.

рых лежит массив иудео-христианской религиозной, в основном апокрифической литературы.

Для М. Бигиева подобных барьеров не существовало, ведь вопрос о природе понятий Гог-Магог и «йаджудж-маджудж» носил межрелигиозный характер. Поэтому, взявшись опровергнуть идентичность этих понятий в иудаизме, христианстве, с одной стороны, и в исламе – с другой, ученый априори оказывался пользователем понятийного поля всех трех религий. В любом случае, его обращение к доисламским источникам и привлечение к исследованию доказательной базы на их основе полностью снимало вопрос о степени объективности ученого.

Еще одна особенность работы заключается в том, что, ведя речь о Торе и о Библии¹, М. Бигиев знакомил своих читателей с арабскими вариантами доисламского массива имен собственных: с названиями книг и их глав, с именами пророков и иных персонажей, с топонимами и т.д. Вместе с тем следует оценить значимость того, что автор знакомил читателя с арабоязычным текстом иудео-христианских источников, выбранных им в качестве иллюстративного материала, что, надо понимать, представляло собой малоизвестный для мусульман материал не только в прошлом, но продолжает оставаться таковым и в наши дни.

Помимо перечисления названий и краткого описания каждой из книг Пятикнижия, М. Бигиев перечислил названия книг всех остальных книг Ветхого Завета, вкратце описав затронутые в них темы. Попутно он счел нужным отметить, что как Тора, так и Ветхий и Новый Заветы переполнены историями и притчами, вымышленными богатой фантазией прорицателей, предсказателей, поэтов. При этом ученый не отрицает этическую и духовную ценность подобных плодов человеческого творчества. Он отмечает, что такого рода произведения могут озвучиваться и устами почтенных пророков, как это имело место у древних иудеев или у шейхов суфизма. Однако, когда дело касается Корана, то в нем, как подчеркивает М. Бигиев, не была использована ни одна история или притча, восходящая к мифам, предрассудкам или чело-

¹ Под Библией М. Бигиев подразумевает Ветхий Завет и Новый Завет, а иудейскую Тору рассматривает как самостоятельную книгу, хотя и оговаривается, что Тора почти целиком вошла в Ветхий завет.

веческому вымыслу. Кроме этого, ученый утверждает, что в Коране напрочь отсутствуют какие-либо повествования исторического характера.

Обратив внимание на эти принципиальные различия между текстом Торы, Ветхого и Нового Заветов и текстом Корана, М. Бигиев приступает к рассмотрению понятия «йаджудж-маджудж» с точки зрения доисламских источников. Это позволяет ему сделать некоторые заключения об этимологии слов «Гог» и «Магог». Например, исследование текста книги пророка Иезекииля приводит его к выводу о том, что, согласно контексту источника, эти слова могли означать название государства, название народа, населяющего некое государство, либо титул правителя такого государства. Кроме этого, М. Бигиев высказывает предположение о том, что Гог может быть сыном Иафета, а Магог может олицетворять все народы Земли, которые, согласно пророчествам, восстанут в качестве врагов иудеев. М. Бигиев также отмечает, что в одном из перечисленных контекстов слово «Гог» может иметь тюркское происхождение, отразившееся даже в русском языке. Он пишет: «В этом случае слово Гог может быть тюркским словом. В его основе – слово гүк¹. Также и русское слово государь может происходить от сочетания гүк сударь, т.е. правитель неба (малик ас-сама), т.е., буквально: Гүк Тәңре²» [9, б. 11].

Однако, когда речь заходит о происхождении слова «Тора», М. Бигиев не оставляет места для предположений. Проведя детальное сравнительно-этимологическое исследование, он заключает, что доводы иудейских и мусульманских филологов слабы и безосновательны и строятся лишь на их горячем стремлении представить это слово как составную часть их родных языков, т.е. иврита и арабского. В результате ученый написал: «отсутствует вероятность того, что слово Тора (تورات) происходит от какой-нибудь иной основы, нежели [тюркское] слово түрә (توره)³» [9, б. 31].

Описывая понятие «йаджудж-маджудж» в мусульманской литературе, ученый приводит цитаты из наиболее распространенных в исламском мире географических трактатов, в частности: «Джихан-наме»⁴, «Кашф аз-зунун»⁵,

¹ Күк – небо.

² Күк Тәңре – Небесный Бог.

³ Түрә (тюрк.) – начальник, глава; традиции и обычаи; обряды, закон, правила жизни; суд; судья [10, б. 289].

⁴ «Джихан-наме» – географический трактат выдающегося османского ученого Кятиба Челеби (1609-1657).

⁵ «Кашф аз-зунун» – энциклопедический труд Кятиба Челеби.

«Ихван ас-сафа»¹. Из них следует, что два народа, называемые «йаджудж и маджудж», невероятно многочисленны, что они живут за высокой стеной, имеют человеческий облик и хищную природу, не умеют хозяйствовать, не ведают о политике, занимаются охотой, разбоем, поеданием друг друга и падали, что эти два народа – турки, что Александр Великий огородил их от мира стеной. М. Бигиев с горечью констатирует: «Только взгляните на эту высшую степень невежества научных книг относительно тюрков Туркестана, мусульман Булгара и русских славян!» [9, б. 15].

Развивая исследование, автор предпринимает два неожиданных по своей оригинальности шага. Во-первых, он призывает задуматься о том, что даже если признать все сказанное правдой, гласящей о тюрках эпохи гуннов или об эпохе таких великих полководцев, как Чингиз или Тимур, то предводители тюрков, которые смогли привести свой народ к великим завоеваниям, никак не могут быть варварами, пугающие образы которых рождались в «фантазиях иудеев» и произрастали из «невежества христиан» [9, б.18]. Таким образом М. Бигиев доказывает, что, в отличие от картин, порожденных воображением доисламских ученых, историческая реальность полностью реабилитирует тюрков, не оставляя повода для их идентификации в качестве мифических Гога и Магога.

Во-вторых, следуя за повествованиями средневековых мусульманских писателей, М. Бигиев предлагает допустить, что йаджудж и маджудж все же являлись тюрками и посмотреть, что из этого получится. Он пишет, что при таком подходе наблюдатель будет вынужден признать ряд неопровержимых исторических фактов, а именно: стена, выстроенная Зулькарнайном, уже не существует, снесенная могучей лавиной тюрков-гуннов; турки давно уже завоевали не только крошечную Палестину, но и залили кровью весь известный мир; завоевания Чингизхана, покорение ханом Хулагу Ближнего Востока стали очередным свидетельством, подтверждающим истинность древних иудейских и христианских пророчеств о «йаджудже-маджудже». Однако из сказанного выше следует, что на фоне ожидания конца света еще одно при-

¹ «Ихван ас-сафа» – название тайного, преследовавшего политические и научные цели религиозно-философского общества, сформировавшегося при Аббасидах (X в.) в Басре. Группе ученых-создателей этого общества приписывается авторство ряда трактатов, объединенных под названием «Раса'ил ихван ас-сафа», в котором излагались их взгляды на религию, этику, политику, природу духа, освещались другие актуальные проблемы той эпохи.

шествие «йаджуджа-маджуджа» оказывается уже невозможным. Тем более, что тот народ, который в глазах древних обитателей Ближнего Востока олицетворял собою «йаджуджа-маджуджа», уже давно принял ислам, и, следовательно, вопрос о грядущем нашествии «йаджуджа-маджуджа» оказывается закрытым окончательно.

«Йаджудж-маджудж» в Коране

Озвучив эти выводы, М. Бигиев заключает, что если при таких реалиях мусульмане продолжают верить в древние рассказы о тюрках, как ужасных варварах «йаджуджах-маджуджах», которые однажды будут целиком и полностью уничтожены на холмах Палестины, то это будет означать наличие у них глубоких проблем с логическим мышлением.

Поставив вопрос таким образом, М. Бигиев подводит читателя к своему решению вопроса о том, чем является «йаджудж-маджудж» в контексте Корана. Для начала ученый анализирует происхождение этих слов согласно их кораническому написанию. Благодаря обращению к Корану, М. Бигиев показывает, что библейский контекст не позволяет проникнуть в значение и этимологию упомянутых слов так глубоко, как это позволяет сделать коранический контекст. Так ученый в очередной раз демонстрирует величие Корана, поскольку считает, что понять, чем являются «йаджудж-маджудж» на самом деле, можно только на основе коранического послания.

М. Бигиев замечает, что эти два слова, упомянутые в 96-м аяте суры «Пророки» и в 94-м аяте суры «Пещера», на самом деле имеют очевидное греческое происхождение, и приступает к доказательству своего утверждения. Он привлекает внимание к тому факту, что эти два слова имеют хамзу в первом слоге, т.е. имеют вид йа'джудж (يأجوج) и ма'джудж (مأجوج) только в рецитации имама 'Асима¹. Все остальные знатоки стилей рецитации Корана произносили эти слова с долгим гласным в первом слоге, т.е. прописывались следующим образом: йаджудж (ياجوج) и маджудж (ماجوج). Из этого следует, что хамзованные и протяжные варианты этих слов восходят к разным корневым основам и, следовательно, имеют различные значения. Далее М. Бигиев об-

¹ Имам 'Асим (Абу Бакр 'Асим ибн Абу ан-Наджуд аль-Асади, 700-745 р.х.) – один из семи известных знатоков канонических стилей рецитации Корана, называемых «ал-кира'ат ас-саб'а».

ращается к одному из трактатов имама аш-Шатиби¹, в котором эти два слова рассматриваются в хамзованном варианте. В случае, который разъясняется имамом аш-Шатиби, эти два слова преподносятся как производные от основы (ج ح) со значениями: гореть, жечь, загораться. Далее М. Бигиев демонстрирует предвзятость имама Шатиби, дающего следующий совет переписчикам Корана: «و يأجوج مأجوج أهمز الكل ناصراً» («Что же йаджудж маджудж, то их пиши с хамзой, оказывая помощь»). Иными словами, великий грамматист призывает к искусственной арабизации этих слов, поскольку их написание с долгим гласным означало бы признание того, что оба они являются заимствованными словами, чего аш-Шатиби явно не хотел показывать. М. Бигиев не соглашается с навязыванием кораническим словам ложной этимологии и заявляет, что слово маджудж происходит от двухсоставного греческого слова демагог (демос агус), а слово йаджудж – от такого же по составу греческого слова теогот (теос агус). Как следует из бигиевского повествования, проникнув в арабский язык, эти слова подверглись стихийному арабизированию, т.е. к сокращению звуков методом отбрасывания первого слога, после чего приобрели свой окончательный вид и были использованы в Коране.

Неординарность подхода М. Бигиева к анализу понятия «йаджудж-маджудж» отражается также и в том, что он усматривает в нем социально-философскую подоплеку. По его словам, совершенно не имеет значения, где жил этот персонаж, где находятся те горы, которые Зулькарнайн перегородил стеной, сколько времени он ее строил, кто ее возводил, т.е. все то, что занимало умы толкователей Корана. Суть всей этой истории, по его мнению, заключается совершенно в другом, если отталкиваться от духа Корана и целей, которые им преследовались. С этой точки зрения история о «йаджудж-маджудж» предстает в ином свете, а именно: это своего рода руководство о том, как следует поступать в определенных ситуациях. М. Бигиев выводит из этого коранического сюжета следующие правила: 1) если некое государство оказалось в беде, то обязанностью остальных государств является скорейшая помощь пострадавшему государству с использованием всех возможностей, сил и средств; 2) за оказанную помощь не должна взиматься никакая-либо плата, даже если пострадавшее

¹ Имеется в виду трактат Абу Мухаммада Касима ибн Фирруха аш-Шатиби (1144-1194 г.х.) «Хурз ал-амани ва ваджх ат-тахани фи ал-кира'ат ас-саб'а» (более известный как «аш-Шатибийя»), посвященный семи каноническим стилям рецитации Корана. См.: <https://islamansiklopedisi.org.tr/es-satibiyye> (дата обращения: 26.02.2020).

государство ее предлагает; 3) разрешается использовать имущество людей и их ресурсы только в интересах самих этих людей; 4) вся мощь и ресурсы, накопленные в руках правителя, должны расходоваться для удовлетворения нужд населения; 5) государство и власть призваны служить интересам населения, поэтому правитель является слугой народа. Если государство и власть ставят народ на службу собственным интересам, то такое правительство становится несправедливым и тираническим, что в итоге приводит к его гибели.

М. Бигиев не только раскрывает определенные аспекты коранического откровения, касающиеся принципов международных отношений и регулирования отношений между государством и населением, но идет дальше. Поскольку он выводит понятие «йаджудж-маджудж» из области исторической конкретики в плоскость общечеловеческих и цивилизационных ценностей, то это позволяет ему заключить, что феномен «йаджудж-маджудж» в виде социального зла существовал во все исторические эпохи и всегда сопровождал человечество. Например, «йаджудж-маджудж» современной ему эпохи, по его мнению, это капитализм в паре с коммунизмом. Ученый также предупреждает, что в будущем могут появиться новые формы и способы проявления этого феномена.

Заключение

Таковы вкратце основные идеи, изложенные М. Бигиевым в книге «Йаджудж...». Подчеркну, что ученый поделился ими не с целью подвергнуть критике существующие в мире ислама представления о понятии «йаджудж-маджудж», но ради того, чтобы помочь молодым мусульманам, постигающим исламские науки, избавиться от влияния интеллектуальных конструктов древних ученых, которые в этом вопросе привели содержание Корана в соответствие с выдумками доисламских религиозных ученых. Свою работу ученый рассматривал как средство избавления мышления шакирдов от иллюзий, мешающих им справляться с вызовами реальности. Он писал, что если мусульманская молодежь будет ведома неукротимой жаждой знаний, обладать свободомыслием и уважать мнение других, если она будет свободна от приверженности вымыслам, от невежества, от оков таклида¹, то мусульманской умме не смогут нанести вре-

¹ Таклид – сложившаяся в исламской юриспруденции практика повторения и подражания решениям древних богословов, считавшихся непререкаемыми авторитетами в рамках той или иной правовой школы.

да «...ни смуты даджжала, ни нашествие йаджуджа-маджуджа, ни водовороты революций. У нас не будет потребности ни в имаме Махди, ни в пришествии Исы. В этом случае и *махдии*, и наставители на верный путь (*хади*), и помазанники (*мәсих*) – все они будут появляться из числа нас самих, из масс тюркомусульманской молодежи и будут одерживать победу за победой. До тех пор, пока мусульманские народы не сравнятся с развитыми западными нациями и не превзойдут их в овладении и пользовании всеми материальными силами, *махдии* ислама так и не смогут появиться» [9, б. 35].

Таким образом, книга М. Бигиева «Йаджудж...» является своеобразным манифестом свободомыслия, призывом к избавлению от губительного блуждания в иллюзиях, сковывающих творческий и интеллектуальный потенциал мусульман.

Литература

1. Carullah M. Şiğiliğin Hakiki Çehresi. *Selâmet*. 1948;65:14–16.
2. Хәйретдинов А.Г. Муса Бигиев тормышының соңгы еллары. Япония-Һиндыстан-Төркия-Мисыр. В: *Научное наследие и общественная деятельность братьев Максуди. Материалы Международной научной конференции, приуроченной к 150-летию А.Максуди и 140-летию С.Максуди, 7 декабря 2018 г.* Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; 2019. С. 376-403.
3. Uralgiray Y. Musa Carullah Bigi. Önsöz. В: Carullah M.B. *Uzun Günlerde Oruç*. Hazırlayan Y. Uralgiray. Ankara, 1975. S. XI-XXVI.
4. Джаруллах М. *Ал-Ваши'а фи накд 'ака'ид аш-ши'а*. Лахор: Матба'а аль-Килани; 1983. 316 с.
5. Жаруллах М. *Коръән кәрим айәт кәримәләре нурлары хозурында хатын*. Берлин, 1933. 122 б.
6. Baibulat M. *Tampereen Islamilainen Seurakunta: juuret ja historia / Tampere İslam Mahallesi: Nigızı ve Tarihi / The Tampere Islamic Congregation: the Roots and History*. Tampere, 2004. 283 p.
7. *Тарихның онытылмыш сәхифәләре*. Басмага әзерләүче: Муса Жаруллах. Berlin, 1933. 18 б.
8. Хайрутдинов А.Г. *Письменное наследие Мусы Джаруллаха Бигиева*. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; 2019. 188 с.

9. Жаруллаһ М. *Коръән кәрим айәт кәримәләренең мәгъжиз ифадәләренә күрә Йажүж*. Берлин, 1933. 38 б.

10. *Татар теленең аңлатмалы сүзлеге*. Өч томда. Т. 3. Казан: Татарстан китап нәшрияты; 1981. 832 б.

References

1. Carullah M. Şigiliğin Hakiki Çehresi [The true face of Shiism]. *Selâmet* [The Welfare]. 1948; 65:14-16. (In Turkish)

2. Khəiretdinov A.G. Musa Bigiev tormyshynyn songy ellary. Iaponiia-Hindystan-Torkiia-Misyr [The Last Years of Musa Bigiev: Japan, India, Turkey, Egypt]. В: *Nauchnoe nasledie i obshchestvennaia deiatel'nost' brat'ev Maksudi. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, priurochennoi k 150-letiiu A. Maksudi i 140-letiiu S.Maksudi, 7 dekabria 2018 g.* [Scientific heritage and social activities of Maksudi brothers. Materials of an International scientific conference dedicated to the 150th anniversary of A. Maksudi and the 140th anniversary of S. Maksudi, December 7, 2018]. Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT publ.; 2019. P. 376-403. (In Tatar)

3. Uralgiray Y. Musa Carullah Bigi. Önsöz [Musa Carullah Bigi. Preface]. In: Carullah M.B. *Uzun Günlerde Oruç*. [Fasting on long days]. Hazırlayan Y. Uralgiray. Ankara, 1975. P. XI-XXVI. (In Turkish)

4. Jarullakh M. *Al-Vashi'a fi nakd 'aka'id ash-shi'a* [Shuttle for spinning the yarn of Shiite beliefs]. Lakhori: Manba'a al-Kilany publ.; 1983. 316 p. (In Arabic)

5. Jarullakh M. *Kor'an kərim aiət kərimələre nurlary khozurynda khatyn* [A woman in the light of the Holy Verses of the Precious Quran]. Berlin, 1933. 122 p. (In Tatar-Osmanic)

6. Baibulat M. *Tampereen Islamilainen Seurakunta: juuret ja historia / Tampere İslam Mahallesi: Nigizi ve Tarihi / The Tampere Islamic Congregation: the Roots and History*. Tampere, 2004. 283 p. (In Finnish/Tatar/English)

7. *Tarikhnyı onytylmysh səkhifələrə* [Forgotten pages of history]. Basmaga әзерләйше: Musa Jarullah [Under the editorship of Musa Carullah]. Berlin, 1933. 18 p. (In Tatar-Osmanic)

8. Khairutdinov A.G. *Pis'mennoe nasledie Musy Dzharullakha Bigieva* [Musa Carullah Bigiev's written legacy]. Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT publ.; 2019. 188 p. (In Russian)

9. Jarullakh M. *Korən kərim aiət kərimələreneñ mogjiz ifadələrenə kurə yajuj* [Yajuj according To the wonderful expressions of the precious Quran]. Berlin, 1933. 38 p. (In Tatar-Osmanic)

10. *Tatar telenen anlatmaly suzlege* [Explanatory Dictionary of the Tatar Language]. In 3 volumes. Vol. III. Kazan: Tatarstan Kitap Nəshriyaty press; 1981. 832 p. (In Tatar)

Информация об авторе

Хайрутдинов Айдар Гарифутдинович, кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник отдела истории общественной мысли и исламоведения Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан.

About the author

Aidar G. Khairutdinov, Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, a senior researcher at Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 16 октября 2019
Одобрена рецензентами: 06 ноября 2019
Принята к публикации: 15 февраля 2020

Article info

Received: October 16, 2019
Reviewed: November 06, 2019
Accepted: February 15, 2020